

опергруппы ОГПУ, заводские, вьючные и т. д.), выступил на Серный завод, далее на Кара-Кум, в расположение банды, и должен был ее уничтожить. На севере в хивинском оазисе было организовано два отряда из частей расквартированного там 84-го кавалерийского полка, 62-го дивизиона ОГПУ и милиции. Этими силами предстояло изолировать банду Ахмет-бека от культурной полосы, деморализовать его и тем самым облегчить выполнение задачи южным сводным отрядам по уничтожению банды [11, л. 9].

Южный сводный отряд, основу которого составляли части 82-го и 83-го полков отдельной Туркменской кавалерийской бригады САВО, первоначально базировался вблизи Серного завода, куда была осуществлена транспортировка продовольствия и материальных средств. Сроки выполнения всех мероприятий операции невозможно было предопределить изначально, поэтому южный отряд по решению руководства имел 10-суточный запас при убытии в зону выполнения боевых задач. Помимо возимого запаса на 10 суток, южный отряд располагал 20-суточным запасом на Серном заводе. Наличие крупных запасов продовольствия позволяло проводить длительные поиски и преследование банды по следам, что в итоге и привело к успешному завершению операции. Значительным недостатком представлялось огромное количество транспортных верблюдов и их охрана.

Также проблемным стал вопрос отсутствия достоверных карт районов предстоящих действий. В связи с выполнением задач в неисследованной местности командное звено большое внимание обратило на подбор проводников, количество которых варьировалось от 10 до 25 чел., поскольку лица, знающие все районы пустыни, отсутствовали. В сложившихся обстоятельствах целесообразно было подобрать проводников, исходя из принципа, что знания одного дополнялись знаниями другого, и отряды САВО были способны выполнять задачи в любых районах пустыни. В целях создания стимула в работе проводники, кроме пайка, получали вознаграждение из фондов опергруппы ОГПУ. Эти же проводники использовались в целях разведки и связи [11, л. 11].

На рассвете 12 декабря 1931 г. советская группа выступила к Серному заводу, прибыв к нему 16 декабря. К 18 декабря группа совершила марш до колодца Кара-кую, намеченного как исходный пункт операции [16, л. 15]. К исходу следующего дня были обнаружены следы банды, говорящие о том, что становище было покинуто не более 1–2 суток до прихода отряда. Четкости следа способствовал сырой песчаный грунт, долго сохранявший отпечатки. Исследование первого становища показало, что банда насчитывает не менее 150–200 верблюдов и, судя по следам, до 150 всадников [11, л. 16].

Было решено отправить вперед кавалерийский отряд, обеспечив его запасами на двое суток. Кавалеристы наткнулась на след, а затем обнаружили группу бандитов численностью до 30 всадников. Рассыпавшись на группы по 4–5 чел., банда начала отходить. Преследование велось до поздней ночи, но банда, потеряв 4 чел., скрылась.

К тому же, были израсходованы все запасы воды, и к вечеру 22 декабря 1931 г. кавалеристы вернулись в Кара-кую, приведя с собой отару овец (до 800 голов), принадлежащих участникам банды Ахмет-бека.

Получив данные ГПУ ТССР о прорыве 23 декабря 1931 г. из Афганистана на территорию Туркмении банды соратника Джунаид-хана, советские части усилили наблюдение с целью отражения внезапного удара с тыла.

Было решено перейти на колодец Аджи-кую и там искать следы банды. Перемещаясь без дорог, 10 января 1932 г. отряд прибыл в Аджи-кую, разместившись в двух километрах от колодца. К вечеру 12 января была произведена широкая разведка, подтвердившая наличие следов банды, и 15 января отряд выступил в полном составе, двигаясь по бездорожью и рассчитывая пересечь след банды.

Настигая банду, утром 19 января 1932 г. части РККА и ОГПУ разделились на две части. Первая группа, ускорив темп, должна была настичь банду, завязать с ней бой и сковать до прибытия основных сил. Судя по следам, банда двигалась без остановок. Исходя из этого, преследующая группа частей САВО и ОГПУ вынуждена была двигаться переменным аллюром. Достигнув более твердого грунта, группа продолжала преследование, несмотря на то, что след стал менее четким и малоза

метным. В этот момент появились два самолета. Низко пролетев над отрядами ОГПУ и САВО в направлении преследования, они нанесли удар авиабомбами по банде в 8 км от советских частей.

Настигнув банду, головная застава САВО и ОГПУ вступила в перестрелку с ее охранением [11, л. 22]. В завершающем бою атакуемая конницей и расстреливаемая из пулеметов банда окончательно потеряла управление, смешалась и в полном беспорядке обратилась в бегство, бросая свой транспорт, семьи и имущество.

Преследование шло до наступления темноты на участке местности около 150 км², представлявшем собой относительно крепкий песок, сильно изрытый ложбинами, ямами и поросший саксаулом.

Потери советских войск в этом бою выразились в двух раненых красноармейцах и восьми убитых лошадях, потери противника составили свыше 150 чел. Все их вооружение, за исключением нескольких десятков верблюдов и винтовок, было захвачено [11, л. 23].

Характерной чертой действий войск являлось то, что удар в этом случае пришелся как по самой банде, так и по ее базе, транспорту и семьям. В отчетном документе о боевых действиях записано: «практика показала, что банда вступала в бой при условии, если ее база находится в достаточном удалении от опасности. Неприятным моментом для советских групп из тактики банды явилось ее “распыление” в случае неустойки. Этого можно частично избежать в случае охвата банды слева и справа, что отрезает ей возможность растекаться в стороны, и поэтому бежать можно только в одном направлении. Такой маневр 19 января 1932 г. и стал причиной того, что банда не смогла рассеяться в стороны» [11, л. 28].

Войсками САВО была использована авиация как средство разведки и поражения. Оценивая ее применение на заключительных этапах операции, необходимо отметить, что она не нанесла ощутимого урона противнику, однако явилась инструментом, который деморализовал отступающих.

Таким образом, в результате проведенных операций войсками САВО и отрядами ОГПУ были разгромлены и ликвидированы последние крупные бандформирования повстанческого движения. Малочисленные басмаческие отряды еще совершали отдельные рейды, но уже с меньшим размахом. К 1933 г. эти группы были фактически ликвидированы. В период 1933–1938 гг. басмаческое повстанческое движение реализовывалось в виде набегов отдельных небольших отрядов с территории приграничных государств, которые осуществлялись лишь с целью грабежа и не имели никакой политической направленности.

Литература

1. Василевский К. Г. Фазы басмаческого движения в Средней Азии // Новый Восток. 1930. Кн. 29. С.154-158.
2. Абдуллаев К.Н. Газеты советского Туркестана как исторический источник по истории разгрома басмачества в Ходжсптском уезде (1918-1924 гг.) // Изв. АН Таджикской ССР. 1988. № 1. С. 33-40.
3. РГВА (Рос. гос. воен. арх.). Ф. 110. Оп. 3. Д. 1162.
4. "Совершенно Секретно": Лубянка Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.): сб. документов. В 10 т. / под ред. Г.Н. Севастьянова. М., 2001. Т. 4 (1926 г.). С. 392.
5. Ганковский Ю. Персонажи с "той стороны". Энвер-паша среди басмачей // Азия и Африка сегодня. 1994. № 5. С. 59-63.
6. Коммунистическая Партия Таджикистана. Стенограмма Учредительного съезда КП Таджикистана. Сталинобад, 1930.
7. Назарбаева М. (ЦГА Таджикской ССР). Навечно в памяти народной // Коммунист Таджикистана. 1989. № 12. С.74-78.
8. K u n i t z J. Dawn over Samarkand. The rebirth of Central Asia. New York, 1936. S k r i n c С.Р. Chinese Central Asia. New York, 1971. P. 303-304.
9. "Совершенно Секретно": Лубянка Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.): сб. документов. В 10 т. / под ред. Г.Н. Севастьянова. М., 2001. Т. 9 (1926 г.). С. 894.
10. ЦА ФСБ РФ. (Центральный арх. Федер. Службы Безопасности Рос. Федерации). Ф. 2. Оп. 9. Д. 332.
11. РГВА. Ф. 25895. Оп.1. Д. 1739.

УДК 94 (571.54)

Жилищный вопрос в Верхнеудинске (Улан-Удэ) в 1920–30-е годы в действиях властей и восприятии современников

А.М. Плеханова^{1 а}, А.Л. Тихонов^{2 б}

¹Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, ул. Сахьяновой 6, Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия

²Гимназия № 14, ул. Чертенкова 3, Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия

^аplehanova.am@mail.ru, ^бotr-ya@mail.ru

Статья поступила 1.09.2018, принята 17.09.2018

В статье проанализированы жилищные проблемы населения Верхнеудинска (Улан-Удэ) в 1920–30-е гг., вызванные, с одной стороны, увеличением численности городского населения, спровоцированным интенсивной модернизацией, с другой стороны, неоднозначной советской жилищной политикой. На основе архивных источников и материалов периодической печати определены специфика и результативность мероприятий республиканских органов власти, выявлены реакции современников на действия властей в решении жилищного вопроса.

Ключевые слова: жилищная политика; Верхнеудинск (Улан-Удэ); модернизация; жилищное строительство; интериоризация.

The housing issue in Verkhneudinsk (Ulan-Ude) in 1920-1930s in the actions of the authorities and the perception of contemporaries

A.M. Plekhanova^{1 а}, A.L. Tikhonov^{2 б}

¹Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the SB RAS; 6, Sakhjanova St., Ulan-Ude, Russia

²Grammar school № 14; 3, Chertenkova St., Ulan-Ude, Russia

^аplehanova.am@mail.ru, ^бotr-ya@mail.ru

Received 1.09.2018, accepted 17.09.2018

The article analyzes the housing problems of the citizens of Verkhneudinsk / Ulan-Ude in the 1920s-1930s. Housing problems were caused, on the one hand, by the increase in the number of urban population, provoked by intensive modernization, on the other hand, by the ambiguous Soviet housing policy. Based on archival sources and periodical press materials the authors identify the specificity and effectiveness of activities of the authorities of the Buryat-Mongolian ASSR; identify the reactions of contemporaries to the actions of the authorities in solving the housing problem.

Keywords: housing policy; Verkhneudinsk (Ulan-Ude); modernization; housing construction; interiorization.

Особенностью модернизационных процессов в России, ярко отражающей национальную специфику трансформации экономики и общества, стала иницилирующая роль государства. Поэтому исследовательской традицией в изучении как экономических, так и социокультурных изменений преимущественно являлся «взгляд сверху», с высоты государственной политики. Тенденцией современных работ по социальной истории становится обращение исследователей к изучению

специфики восприятия самим обществом происходивших обновлений, к анализу интериоризации советской модели, под которой понимается сложный социально-исторический и социально-психологический процесс усвоения новых социальных форм и отношений в контексте теории модернизации.

Известно, что Первая мировая война, выступившая катализатором двух революций

1917 г., и Гражданская война прервали поступательное движение модернизационного процесса. Поэтому после завершения этих катаклизмов перед новыми хозяевами страны встала задача не только восстановления разрушенной экономики, но и возобновления прерванного движения уже в новых социально-политических реалиях на кардинально изменившейся идеологической основе. В связи с этим перед исследователями встают вполне закономерные вопросы: насколько население советской страны оказалось готово к модернизационным преобразованиям? Каким был социально-психологический настрой общества? Как проходил процесс адаптации населения к происходящей интенсивной модернизации? Чем были обусловлены сложности восприятия, усвоения, интериоризации новых социальных форм и экономических отношений сельским населением, горожанами, рабочими, т. е. людьми, чей образ жизни более всего оказывался подвержен изменениям под воздействием трансформационных процессов?

В первые два десятилетия существования советского государства удовлетворение повседневных потребностей человека происходило в весьма непростых условиях. Известно, что после лихолетья Гражданской войны обострившиеся социальные проблемы до предела усугубили негативные общественные настроения. Либерализация экономической системы в 1920-е гг. в условиях новой экономической политики, следствием которой стало преодоление военнo-коммунистической катастрофы, восстановление аграрного и торгово-промышленного производства, не привела к исчезновению социальных проблем. Донесения ОГПУ о политических настроениях населения, составлявшиеся каждые две недели и направлявшиеся в обком партии, содержат сведения о недовольстве пролетариата низкой заработной платой в условиях роста цен на продукты питания и товары первой необходимости. При этом в материалах управления отмечалось, что вину за сложившуюся ситуацию рабочие возлагали на власть и администрацию предприятий. Анализ архивных материалов и периодических изданий позволяет установить еще ряд причин, вы-

зывавших чувство незащитности и уязвимости у людей. Это безработица, сбои в снабжении продовольствием, острота жилищной проблемы и др. [1, с. 57]. В данной статье попытаемся проанализировать действия властей в решении наиболее болезненного «квартирного» вопроса в Верхнеудинске в период модернизационных сдвигов 1920–30-х гг. с одновременным акцентом на реакцию горожан на происходившие изменения.

Жилищный вопрос на территории Западного Забайкалья, где модернизационные процессы в конце XIX — начале XX вв. значительно отставали по времени от аналогичных российских процессов, не входил в число приоритетных задач администрации края и не стоял на повестке дня у местных предпринимателей. Города региона располагали незначительным жилищным фондом. Так, «в 1880 г. в Верхнеудинске насчитывалось 641 жилое строение, из которых 9 каменных» [2, л. 35]. Трансформация аграрного общества региона получила импульс в результате строительства Великого Сибирского пути. Вдоль железнодорожной линии стала неуклонно возрастать значимость городов. Экономическое развитие Верхнеудинска, ставшего важным узловым центром Транссибирской магистрали, приобрело уверенное поступательное направление. Депо и мастерские Верхнеудинска стали крупнейшими городскими предприятиями, где была сконцентрирована основная часть (до полутора тысяч) рабочих кадров, которые прибывали в город из разных уголков страны. Постепенно станция и город превращались в основной транспортный узел Западного Забайкалья.

Обстоятельства экономического роста обеспечили увеличение численности городского населения. За два десятилетия после прокладки железнодорожного полотна численность верхнеудинцев выросла значительно больше, чем за два предыдущих века: по сравнению с показателями Всероссийской переписи населения 1897 г. (чуть более 8 тыс. чел.) к 1917 г. она увеличилась в 2,7 раза, достигнув 21,6 тыс. чел. [3, с. 137]. Рост числа жителей Верхнеудинска не отразился на количественных и качественных показателях жилищного фонда, что в итоге стано-

вилось прологом сложного «квартирного» вопроса. Обследование промышленных предприятий в Забайкалье в начале XX в. выявило, что лишь 15 % рабочих семей имели отдельное жилище — квартиру либо дом, около 70 % получали только комнату в общем с другими помещении, около 10 % семей жили в бараках [4, с. 167]. Жилищный вопрос коснулся даже штатных железнодорожников, имевших право на казенные квартиры. Дефицит жилплощади стал неотъемлемой характеристикой городских реалий, что, в свою очередь, дестабилизировало обстановку, обостряло рабочий вопрос и социальное недовольство. В результате жилищная проблема внесла дополнительный резонанс в социально-политический макровзрыв, прогремевший в Российской империи в начале XX в.

Политические изменения 1917 г. нашли отражение и в решении жилищного вопроса, который получил совершенно новую, игнорирующую иностранный опыт советскую специфику. Диспропорции в распределении жилищного фонда между разными социальными стратами городского населения стали поводом для передела этого актива. Воплощение в жизнь лозунга «Экспроприация экспроприаторов», ставшее инструментом влияния большевиков на все слои городского населения (от имущих слоев, в одночасье лишившихся своей жилищной собственности, до городских низов, получивших возможность обретения бесплатных квадратных метров), превратило жилищный вопрос в механизм политического и экономического давления на общество.

Большевистская концепция справедливого распределения жилого фонда и ее реализация в формате национализации получила законодательное оформление в Декрете СНК от 14.12.1917 г. «О запрещении сделок с недвижимостью» и Декрете ВЦИК от 20.08.1918 г. «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах» [5; 6]. Тотальный контроль государства над экономической сферой в период военного коммунизма позволил городской бедноте перебраться в апартаменты имущего класса, что в целом улучшило их жилищное положение. Однако отношение новых хозяев к

полученной таким образом жилплощади и трудности военного времени негативно сказались на состоянии жилого фонда.

С образованием в мае 1923 г. Бурят-Монгольской АССР в Верхнеудинске, ставшем столицей национальной автономии, началось осуществление новых положений жилищной политики. Город стал в республике показательной площадкой, на которой стартовала реализация жилищной программы советской власти. 27 мая 1924 г. ЦИК Бурят-Монгольской АССР принял постановление, согласно которому в городе была проведена муниципализация крупных жилых строений [7]. В некоторых муниципализированных домах были размещены государственные учреждения и организации. Так, в первые годы республики БурЦИК и Совнарком Бурят-Монгольской АССР размещались в национализированном доме верхнеудинского купца М.К. Курбатова [8, с. 43].

Муниципализация не привела к преодолению жилищного кризиса, напротив, порождает данную политикой индифферентное отношение масс к жилому фонду вкупе с невозможностью его содержания в надлежащем состоянии из-за отсутствия в бюджете финансовых средств на текущий и капитальный ремонт еще больше осложнили ситуацию. В распоряжение Управления коммунального хозяйства, созданного в 1923 г. с образованием Бурят-Монгольской АССР, перешла «масса строений, но не перешло совсем средств на поддержание и развитие жилищного хозяйства. Город совсем не строит, мало ремонтируется и все время теряет в запасе строений (пожары, обветшание, небрежное обращение жильцов и т. д.), не восстанавливая потерь. Рабочее население, несмотря на все усилия города, лишено существенных удобств, оно ютится часто чуть не в землянках» [9, с. 115]. Таким образом, устранение домовладельцев и отсутствие конкретного хозяина жилища приводили к тому, что состояние жилищ стало катастрофически ухудшаться.

В попытках найти выход из кризисного состояния правительство Бурят-Монгольской АССР встало на путь нормирования и контроля за использованием жилплощадью

путем принудительного распределения жилищ. 27 августа 1924 г. Постановлением ЦИК и СНК БМАССР была образована Чрезвычайная жилищная комиссия под председательством члена Бурят-Монгольского ЦИК Н.И. Саловарова. Главными методами борьбы с квартирной нуждой стали перемещение учреждений из центра города в предместья, закрытие торговых помещений, пригодных для жилья, выселение имущего класса, вселение и уплотнение. Комиссия осуществляла свою работу под угрозой наказания виновных граждан штрафом в размере до 300 червонных рублей или принудительными работами сроком до 3 месяцев, а виновных должностных лиц — в порядке ст. 107 Уголовного кодекса (лишение свободы, принудительные работы на срок до одного года или увольнение) [10].

Так, в ноябре 1924 г. после обследования торговых помещений были освобождены 53 комнаты. За счет выселения из центра города 31 семейства (все представляли имущий класс) были предоставлены для вселения 73 комнаты, бывшие хозяева отправились на городские окраины (за линию железной дороги и р. Уду). К концу года комиссия отчиталась о переселении 63-х семей, предоставлении 103 квартир и 138 комнат, об уплотнении 75 комнат [11]. Подобная практика встречала поддержку со стороны тех, кто таким образом стремился решить свои проблемы с жильем. В то же время была вполне предсказуемой негативная реакция выселяемых, переселяемых и уплотняемых.

Однако заблуждением будет считать, что за счет ущемления зажиточного меньшинства можно было решить жилищные проблемы трудящегося большинства. Подорванное годами разрухи городское хозяйство скорее латало дыры за счет такой дискриминации, качественных сдвигов достичь было нелегко, поэтому жилищные проблемы пролетариата не сходили со страниц газет. Рупор советской республиканской печати размещал на своих страницах заметки с кричащими заголовками: «Жить негде», «Где же жить?», «Даешь квартиру!», сообщая о повсеместно встречающихся случаях невероятной жилищной нужды верхнеудинцев: «...Служащие охраны железной дороги мучаются без квартир, кто

живет в амбарах, кто в сараях, есть даже такие, которые живут под открытым небом» [12]; «Телеграфист станции Верхнеудинск Нагурный живет в невозможных условиях. Имея семью в три человека, занимает комнату в 1,5 кв. сажени, которая признана непригодной для жилья, в результате этого дети Нагурного приобрели признаки болезни легких. Однако на просьбы в предоставлении сносного жилья жилищные отвечали лишь: “Нет свободных квартир”» [13].

Система предоставления жилья населению в Верхнеудинске постепенно обростала пороками бюрократической системы, не отличалась прозрачностью, что нашло отражение в жалобах, которые поступали в печатные издания. Так, «гражданка Пестлягина пришла просить комнату по Центросоюзной улице у заведующего жилищным подотделом Горкомхоза товарища Гладкова. Первая встреча прошла холодно и в комнате ей отказали, а когда Пестлягина пришла с юристконсультом Горкомхоза, Гладков принял ее любезно и на завтра пообещал ордер на комнату. Но на другой день, когда Пестлягина пришла без юристконсульта, в комнате ей было отказано» [14].

В 1925 г. произошел разворот от политики национализации к демунICIPализации. Пытаясь сохранить имеющийся жилищный фонд, а также восстановить любые, даже заброшенные и неэксплуатируемые здания и помещения, хоть как-то пригодные для проживания, и тем самым снизить уровень напряженности и обеспечить лояльность горожан, власти Верхнеудинска вернули часть муниципальных домов и квартир прежним владельцам. Кроме того, было разрешено муниципальную собственность сдавать в аренду [15]. В обязательства новоиспеченных владельцев демунICIPализированного жилья вошел обязательный ремонт помещений в течение одного календарного года. Теперь значительная роль в преодолении жилищного кризиса в столице отводилась частной инициативе горожан, поощрению индивидуального и кооперативного строительства. Так, в 1923 г. из введенных в действие жилых домов площадью 3,1 тыс. м² — 2,9 тыс. м² было построено гражданами и

только 0,2 тыс. м² — государственными предприятиями и организациями [16, с. 248].

Важным аспектом формирования общественной позиции в отношении проводимой жилищной политике оставался классовый принцип, который находил отражение в дифференцированном подходе к оплате коммунальных услуг и других взносов. Так, в 1924 г. были приняты новые тарифы на оплату жилых помещений. Среднемесячная квартплата за 1 м² составляла в Верхнеудинске 38,6 коп. Ключевым моментом при начислении коммунальных платежей для отдельных категорий граждан являлся принцип социальной принадлежности, когда самую низкую сумму (23,3 коп. за 1 м²) оплачивали рабочие, почти в полтора раза больше (33,6 коп.) — служащие, а самую высокую оплату (75 коп.) вносили так называемые лица с нетрудовыми доходами [17, с. 50].

Стабилизация жилищной ситуации в Верхнеудинске была недостижимой, в том числе из-за продолжающегося роста числа горожан. Если, согласно городской переписи 1923 г., в городах республики проживал 33 071 чел., то по переписи 1926 г. — 45 566 чел., т. е. за три года городское население увеличилось на 38 %. За этот же период жилая площадь возросла с 202 549 до 237 455 м², т. е. увеличилась всего на 14,7 % [18, с. 74].

Низкая обеспеченность горожан жильем отмечена в материалах коммунотдела Верхнеудинского горсовета: «...Из поступивших заявлений о предоставлении квартир в 1925 г. удовлетворено 20 %, в 1926 г. — 17,6 %, в 1927 г. — 16 %. Вывод отсюда — жилищная нужда все больше и больше растет, жилищное строительство отстает» [19, с. 7]. Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., на 1 жителя в Верхнеудинске приходилось 5,23 м², в среднем по городским поселениям республики — 6,6 м² [18, с. 74].

Проблемы жилищного характера проецировались на состояние здоровья жителей столицы. Медицинское обследование рабочих стеклозавода, проведенное по решению Наркомздрава республики, указывало: «...У 83 % производственных рабочих кубатура жилья ниже нормы... в ночлежке нередко скапливается до 60 человек. Содержится она

в явно антисанитарном состоянии и является настоящим клоповником» [20, с. 92, 93].

И количество, и качество жилищного фонда возможно было поднять за счет возведения новых площадей. Однако документы того периода содержат свидетельства, указывающие на некондиционное жилищное строительство, для которого были характерны «небрежное исполнение кровельных работ, неправильная планировка строений, наличие щелей в полу, потолке ... несоблюдение элементарных противопожарных требований». По своему внешнему виду город напоминал по большей части сельское поселение, так как основную долю жилья составляли деревянные (95,9 %) одноэтажные (95,1 %) дома, трехэтажных зданий было всего 5 в Верхнеудинске и 2 в пгт Нижняя Березовка (0,1 %) [21, с. 368].

Неприглядно выглядели и показатели благоустройства города. Протяженность водопровода составляла в общей сложности 500 м, его возможности позволяли за год отпускать 0,18 тыс. м³ воды [16, с. 150, 151]. В 1923 г. электричество имелось только в 32,1 % квартир и общежитий, в 1926 г. — в 40,8 % [18, с. 74].

Облагораживание городских территорий осуществлялось за счет средств горожан, при этом делалась оговорка, что всевозможные взносы должны вносить лишь состоятельные домовладельцы, а несостоятельные от таких взносов освобождались. Например, постройку тротуаров в Верхнеудинске должны были оплатить в двухнедельный срок имущие граждане [22, с. 3].

Городские власти, имея дефицитный бюджет, финансово отстранились от городского благоустройства, заставляя собственников и арендаторов жилья не только оплачивать все мероприятия по благоустройству территорий, но и неукоснительно соблюдать постановления. Так, Верхнеудинский городской исполнительный комитет Совета рабочих и красноармейских депутатов в сентябре 1924 г. обязал домовладельцев «восстановить погибшую весеннюю посадку деревьев, а также заменить посаженные хвойные деревья тополем». Внушительно выглядит ответственность за несоблюдение

данного постановления: штраф в 300 р. или принудительные работы до 3-х мес. [23, с. 5].

Действия властей в решении жилищной проблемы вызывали неоднозначную реакцию горожан. Советские служащие, получившие жилье в центре города «за счет переселения бывших господ», имевшие льготы при оплате коммунальных платежей, поддерживали проводимую политику. Лишенные своей собственности верхнеудинские домовладельцы, а также нэпманы, чья оплата за квадратный метр жилья была в три раза выше, чем у рабочих, вполне ожидаемо отвергали советские нововведения в решении «квартирного» вопроса. Рабочие, несмотря на приоритетные позиции при наделении их жильем и самые низкие тарифы на оплату за его содержание, были не удовлетворены, поскольку большая их часть не могла воспользоваться своим правом на жилье ввиду его крайнего дефицита. Об этом же свидетельствуют информационные сводки ОГПУ, характеризующие настроение рабочих: «...Наиболее большим вопросом для рабочих является жилищный. Около него сосредоточивается центр внимания рабочих, и на него почти всегда сбиваются все рабочие, выступающие на различных собраниях и заседаниях» [24, л. 1].

Таким образом, в 1920-е гг. не удалось внести значительные позитивные коррективы в жилищную ситуацию в Верхнеудинске. Сложности послевоенного периода, ограниченность финансовых возможностей и отсутствие реального собственника, напротив, усугубили ситуацию. Попытка использовать личные сбережения граждан в условиях республики не могла полностью решить зрелую годами проблему. Всего за 1923–1930 гг. было возведено 87,1 тыс. м² жилья, из них за счет государственных структур — 33,4 тыс. м², за счет личных средств населения — 46,8 тыс. м² [16, с. 248].

Пятилетние планы, ставшие главными ориентирами развития экономики государства в конце 1920–30-х гг., предполагали строительство крупных промышленных объектов в республике в сжатые до пределов сроки. Данные обстоятельства способствовали активному формированию строительного комплекса Бурятии. Именно от эффек-

тивности его деятельности зависели темпы осуществления форсированной индустриальной модернизации. Возведение в столице республики промышленных гигантов и, как следствие, рост населения усложнили прежние жилищные проблемы и привели к появлению новых.

Рекрутирование рабочих из других регионов СССР на строительство промышленных предприятий Верхнеудинска началось с момента активной фазы индустриального строительства. Так, на возведение паровозового завода (ПВРЗ) в 1932 г. прибыло 1 300 рабочих, позже для работы на нем по линии Народного комиссариата путей сообщения было направлено более 5 тыс. чел. В августе 1933 г. из Самары приехали 600 чел. для строительства мясокомбината. Бурятские предприятия получили разрешение правительства СССР проводить набор рабочей силы в Ивановской и Горьковской областях. Одним только «Стеклостроем» там было завербовано свыше 500 чел. [25, с. 132, 133].

Тысячи ежегодно прибывающих на строительство индустриальных объектов рабочих переполнили и без того перегруженный жилищный фонд города, что не могло не сказаться на динамике его отрицательных показателей. Так, уже в 1930 г. Наркомздрав республики констатировал: «Антисанитарное состояние города, в особенности жилищный кризис, грозят тяжелыми последствиями в связи с уплотнением прибывающих рабочих» [26, л. 2]. Маленькая комната в коммунальной квартире, интерьер которой состоял из спального места, небольшого стола и двух стульев, стала типичным жилищем для рабочей семьи из четырех-пяти человек. Для части рабочих семей роскошью было наличие матрасов, постельного белья, скатертей. «Рабочие Нижне-Березовского кирпичного завода спят на деревянных топчанах, матрасов не хватает, подушки соломенные, да и не у всех, в помещении грязно и холодно, вентиляции нет, печи неисправны, дымят, лампы без стекол, в общежитиях клопы и т. д.» [27, с. 13]. Коммунальные условия зачастую приводили к другим социальным проблемам — разводам, дракам.

Несмотря на сложившуюся кризисную ситуацию, возведение нового жилья для рабочих в 1930-е гг. находилось на периферии внимания администрации и осуществлялось по остаточному принципу, так как основные финансовые ресурсы были сосредоточены в фондах индустриального строительства. Дешевые постройки барачного типа, в которых проживала большая часть горожан, стали нормой городского ландшафта.

Изменить сложившуюся ситуацию должно было включение республики в общесоюзный проект, направленный на возведение «социалистических городов» с комфортными условиями жизни и новым бытом. В Верхнеудинске (в 1934 г. был переименован в Улан-Удэ) наряду с прежним компактным городским массивом появилась обширная зона фрагментарной застройки около промышленных предприятий — ПВРЗ, мехстеклозавода, мясокомбината и авиазавода — «соцгородков».

Так, в 1936 г. стал реализовываться план строительства авиационного завода. По проекту он должен был расположиться на правом берегу Уды в 12 км от Улан-Удэ, а вокруг него подковообразно, охватывая запад, восток и север, планировалось построить поселок. Первые жилые дома появились в 1937 г. вблизи стройплощадки завода (отсюда пошло и название поселка — «Площадка»). Стремление обеспечить авиазаводчан новым жильем предопределило строительство более примитивных сооружений барачного типа, рубленых и даже засыпных домов. Благодаря этому сокращалось время строительства, уже к декабрю 1938 г. завод окружали два рабочих поселка, «Площадка» и «Казахстан», и два квартала соцгородка.

Жилищное строительство соцгородка при ПВРЗ согласно генеральной смете было оценено в 83 млн р. В «заводском спутнике» были построены новые благоустроенные дома и создана независимая инфраструктура (на тот момент соцгородок располагался вдали от имеющихся в городе коммунальных объектов). Однако в целях скорейшего обеспечения нуждающихся жильем, а также из соображений экономии и доступности строительных материалов много еще строилось деревянных домов с элементарным бла-

гоустройством. К 1938 г. в бараках временно-го типа продолжали проживать около 4 тыс. жителей заводского поселка. Индустриальному гиганту не хватало 25 тыс. м² жилой площади, что подталкивало людей к смене места работы [28, с. 435]. Жилищем рабочей семьи в большинстве случаев была небольшая комната в коммуналке, жизнь в которой была далека от идиллии. Показательно свидетельство из письма рабочих ПВРЗ в областной комитет партии в 1935 г.: «Нас, шесть семей, 24 человека, поместили в одну небольшую комнату в бараке № 16. Каждая семья поставила свои койки — остались узкие проходы посередине. Один столик. Обедать — в очередь. За одним столиком неудобно, приходится работать на койках, завернув постель. Так как нас в комнате 24 человека, и койки наши стоят вплотную, — трудно соблюдать чистоту. У нас много клопов, блох и других насекомых. Мы часто получаем от коменданта Стрельникова талоны в баню, но, простояв час-другой в очереди на морозе, приходится уходить домой — нет воды. А работа у нас грязная» [27, с. 13].

Обеспеченность города коммунальными удобствами действительно была на крайне низком уровне. В Улан-Удэ только 16 % всего жилого фонда было охвачено водопроводом и 12 % — канализацией [29, л. 94]. Большая часть жилой площади была не электрифицирована. Даже со строительством в начале 1930-х гг. новой Центральной электростанции проблему с электроснабжением не удалось ликвидировать. Перебои и отключения электричества, к большому сожалению жителей города, на этом не прекратились, что было связано с постоянно возрастающими потребностями столицы в энергоресурсах. Приоритет в распределении электроэнергии отдавался промышленным предприятиям, что осложняло электрификацию жилого фонда.

Значительным достижением того периода была достаточно низкая плата за коммунальные услуги. Еще в 1928 г. согласно правительственному постановлению была установлена единая система взимания квартплаты по всей стране, которая действовала до начала 1990-х гг. Вместе с отоплением, освещением и водоснабжением плата за жилье